Глава 38

Чжубай поднялся в экипаж. Су Цзюгуй не сомневался, что тот явится, и всё же ощутил лёгкое удивление. Бывший ученик совсем не походил на безжалостное чудовище из слухов — Цзюгуй ожидал, что Чжубай приложит все силы, лишь бы покончить с ним на месте.

Устроившись поудобнее на мягком сиденье, дракон лениво бросил:

— Не обольщайся. Мне просто любопытно взглянуть, как ты сдохнешь.

Су Цзюгуй вознамерился уничтожить Змею кошмаров. Если он погибнет в этом зыбком мире, смерть окажется окончательной: остатки израненной души рассеются без следа, а тело в реальности испустит дух.

Когда-то Чжубай видел силу своего наставника Лу Юньцзи в зените величия, но сейчас перед ним сидел обыкновенный ребёнок. Дракону до безумия хотелось узнать, каким образом этот мальчишка собирается одолеть Змею кошмаров.

«Всё верно, — подумал Су Цзюгуй. — Чжубай верен своему слову: сам он не поднимет на меня руку. Но спасать меня он тоже не обещался».

Дракон держался непринуждённо, словно приехал не в обитель смертельной опасности, а на праздную прогулку. Чужой сон сделался для него очередной забавной игрушкой.

— Я не давал согласия помогать тебе.

Давеча, когда Су Цзюгуй обронил фразу «теперь у меня есть ты», Чжубай расценил это как завуалированную просьбу о помощи. Однако мастер так и не удосужился объяснить, какая роль ему отведена.

— Ты уже помогаешь, — отозвался Су Цзюгуй.

Чжубай недоумённо приподнял бровь, но Цзюгуй лишь слегка повёл подбородком в сторону окна.

Откинув плотную занавесь, дракон взглянул на улицу. Повозка неслась во весь опор. В этих краях давно воцарилась глухая ночь, а привычные горные склоны по обе стороны тракта сменились бескрайней топью.

Тёмная жижа пузырилась гнилостными испарениями. Из болотных глубин поднимались жуткие когтистые твари. Их багровые, налитые кровью глаза горели во тьме, точно волчья стая на охоте.

Почувствовав на себе взгляд незваного гостя, твари оскалились, шумно выдыхая струи зловонного пара. Они замерли в охотничьих стойках, готовые к броску, но напасть не решались. Их сковывал безотчётный страх.

Опасаться тщедушного Су Цзюгуя они не могли — угроза исходила исключительно от Чжубая.

Противостояние Змеи кошмаров и Су Цзюгуя изначально было схваткой не на жизнь, а на смерть. Но с появлением великого дракона правила игры в корне изменились.

Стоило Чжубаю выпустить свою демоническую суть, и этот иллюзорный мир рассыпался бы прахом в мгновение ока.

Опасаясь столь грозного противника, Змея кошмаров затаилась и больше не смела открыто нападать на мальчишку.

«Теперь у меня есть ты».

Так вот к чему клонил бывший наставник.

Чжубай искренне расхохотался:

— Выходит, я здесь для красоты, вроде талисмана на удачу?

Су Цзюгуй промолчал, а дракон, мгновение подумав, с горькой усмешкой добавил:

— Впрочем, мне не привыкать. Я этой безделицей полжизни промышляю.

Он вспомнил юность на Горе Великой Чистоты. Будучи учеником великого Лу Юньцзи, он вечно оставался в тени: старейшины не пускали его на порог главного зала Совета и бдительно следили, чтобы несносный юнец не натворил бед в поднебесном мире.

А после, низвергнутый в демоническую бездну и скованный наложенным учителем клеймом, он превратился в никчёмного принца, став живым щитом и безмолвным символом для чужого престола.

Су Цзюгуй случайно задел пальцем раскалённый край масляной лампы и поспешно отдёрнул руку. Отрицать очевидное глупо: во всём мире именно перед этим учеником он испытывал самый тяжёлый, неоплатный долг.

Но прошлое не вернуть. К моменту их новой встречи Чжубай предпочёл временно спрятать старые обиды, а сам Су Цзюгуй и вовсе лишился памяти.

— Ты не просто талисман, — негромко произнёс Су Цзюгуй.

— М-м? — дракон картинно вскинул брови, с забавным любопытством ожидая, какую отговорку придумает собеседник.

— Если выражаться точнее, — бесстрастно продолжил мальчик, — ты мой оберег.

Он не сводил взгляда с дрожащего язычка пламени. Тёплый свет очерчивал половину его лица — в отличие от обычных детей, в его чертах уже угадывалась былая строгая и резкая лепка взрослого мужчины.

Су Цзюгуй произнёс это ровно, без тени кокетства, будто констатировал самый очевидный факт.

Чжубай на мгновение лишился дара речи. Из уст любого другого подобные слова прозвучали бы дешёвой лестью, но только не от Су Цзюгуя. Его наставник всегда отличался избыточной прямотой и никогда не вкладывал в свои речи двойного смысла.

«Сперва заявляет, что у него теперь есть я, а следом называет оберегом… Поразительный человек».

Сам Цзюгуй едва ли понимал, насколько двусмысленно звучат его признания. Ещё пара таких фраз, и Чжубай, пожалуй, окончательно утратил бы решимость когда-либо лишить его жизни.

— Приехали! Река Небесной Воды! — зычный голос возницы бесцеремонно разрушил повисшую тишину.

В реальности путь от деревни семейства Су до этих мест занял бы добрый месяц, но в призрачном пространстве повозке хватило и половины часа, чтобы перемахнуть через бескрайние вёрсты.

Су Цзюгуй отодвинул занавеску. На подворье в деревне семейства Су давно сгустился мрак, здесь же, в Городе между Облаками, по-прежнему догорал безмятежный багряный закат.

В мире грёз законы времени теряли силу. Это служило верным признаком того, что Су Цзюгуй окончательно покинул пределы собственного разума и погрузился в чужие кошмары, созданные змеёй.

Вопреки ожиданиям Цзюгуя, который готовился увидеть безумный шабаш нечисти, вокруг царил абсолютный покой.

Уличные торговцы неторопливо собирали лотки, издалека доносились приглушённые голоса

матерей, сзывавших расшалившихся детей к ужину. Повсюду над крышами домов поднимался сизый дымок домашних очагов.

Экипаж замер у самой набережной. Отсюда Река Небесной Воды просматривалась как на ладони. Ни расписных прогулочных ладей, ни гремящего весёлого хмеля, ни безумной роскоши — ничего этого не было.

Перед ними несла свои воды самая обыкновенная река. Наверху по течению кто-то выплёскивал в воду помои, чуть ниже женщины полоскали бельё и мыли зелень. У дощатой пристани качались простые лодки — рыбаки, окончив дневной труд, сматывали снасти.

Один из лодочников, надеясь урвать последнюю за день монету, зычно зазывал прохожих:

— На тот берег! Всего одна медная монета! Последний раз иду!

На первый взгляд здешний пейзаж невозможно было отличить от подлинного воспоминания. Впрочем, суть оставалась неизменной: всё вокруг являлось лишь зыбким наваждением. Даже если это точный слепок из прошлого, изменить минувшее им не дано.

Странное, ни с чем не сравнимое ощущение: отчётливо понимаешь, что стоишь посреди морока, но каждый предмет вокруг осязаем и безупречно точен.

Повозка замерла у обочины. До берега оставалось ещё порядочно, однако кучер наотрез отказался ехать дальше.

— Вы уж простите, почтенные, — боязливо потирая плечи, пробормотал старик, — но дальше я ни ногой. Болтают, завелась в этой речке нечистая сила.

Он передёрнул плечами, словно у него по коже побежали мурашки от одного только воспоминания.

Су Цзюгуй не стал спорить. Этот извозчик был сотворён лишь его собственной волей и духовной силой. Река же принадлежала Змее кошмаров. Вторгаясь во владения столь древней твари, этот фантом чувствовал себя беззащитным ягнёнком перед голодным хищником.

— Вот как? — поинтересовался Су Цзюгуй. — И что же там происходит?

Будучи лишь порождением чужой мысли, послушный кучер спешил ответить на любой вопрос создателя.

— Да неужто не слыхали? Река Небесной Воды исстари дурной славой пользуется. Младенцев в ней топит всяк кому не лень, живое кладбище для нежеланных крох!

Мальчик выслушал это безучастно. Вэнь Ци уже рассказывал ему нечто подобное — в Городе между Облаками эту жуткую тайну знал каждый ребёнок.

— Старики сказывают, — понизив голос, продолжил возница, — у этой нечисти свои законы. Коли оступишься и упадёшь в воду, сразу почувствуешь, как чьи-то холодные пальцы хватают тебя за лодыжку. В этот миг главное — не дёргаться. Станешь вырываться — утащит на самое дно.

— А если замереть, то пощадит? — спросил Су Цзюгуй.

— Кто ж его знает, — вздохнул старик. — Болтают только, будто коли взмолишься о пощаде да ласковое слово скажешь, то отпустит.

Чжубай насмешливо фыркнул. Рождённые во тьме демоны жаждали тёплой крови и чужих жизней, а не вежливых уговоров. Сама мысль о милосердии в обмен на ласку казалась ему глупой небылицей.

Кучер смущённо кашлянул. Заметив его замешательство, дракон великодушно подбодрил:

— Ладно тебе, вещай дальше. Что ещё за приметы?

— А ещё, коли пойдёте по самому берегу, — зашептал старик, косясь на воду, — и почудится вам, будто окликает кто по имени — упаси вас боги обернуться! Сделаете это, и пиши пропало. Зловещий голос одурманит разум и поведёт прямиком в омут.

— Говорят, этот шёпот выворачивает душу наизнанку, выкликая самые сокровенные тайны, какие человек и сам себе признать боится. И ведь знают все, что оборачиваться нельзя, да только совладать с собой никто не может.

Такие повадки действительно походили на уловки Змеи кошмаров: вытащить наружу потаённый грех или страх, а затем заманить жертву в расставленные сети.

— А тварь эта какого пола? Мужчина или женщина? — поинтересовался Су Цзюгуй.

Раз уж находились выжившие, они должны были запомнить звучание голоса.

— Девка, — уверенно отрезал старик.

— Откуда такая точность?

Кучер взглянул на него как на неразумное дитя:

— Девка, говорю же вам! Уж женский-то голосок мужики завсегда отличат.

Больше от него ничего добиться не удалось. Этот призрак обитал на стыке двух миров, не принадлежа полностью ни одному из них, а потому его познания оставались весьма скудными.

— А прочее расспросите у местных, милостивые господа. Мой сказ на этом окончен.

Су Цзюгуй отпустил старика. Расспрашивать жителей Города между Облаками казалось делом бесполезным — вряд ли обыватели станут откровенничать с чужаками о столь скверных вещах.

Повозка тронулась и быстро растворилась в тумане. Последняя крупица духовной воли Су Цзюгуя угасла — отныне в этих призрачных стенах ему предстояло рассчитывать лишь на собственные силы.

— И что теперь? — поинтересовался Чжубай. — Намерен разгадать тайну этого сна?

Су Цзюгуй рассеянно кивнул. Его мысли явно витали где-то далеко.

— Потешно, — ухмыльнулся дракон. — Сам вызвался распутывать бредни паршивой змеи.

Любой нормальный заклинатель, угодив в чужой кошмар, искал бы способ поскорее убраться восвояси. Но бывший наставник не искал лёгких путей — он вознамерился препарировать чужую душу.

— Я хочу понять, кем он был при жизни, — просто ответил Су Цзюгуй.

Подобные твари не относились к какому-то конкретному змеиному роду. В бескрайнем мире рождались и Змеи кошмаров, и Рыбы кошмаров.

Некоторые демоны, лишившись плоти, сохраняли колоссальную духовную мощь. Чудовищная обида или безумная привязанность мешали им покинуть поднебесный мир, и, не имея физического прибежища, они селились в чужих снах.

Пока смертные предавались грёзам, эти паразиты без труда кочевали из одного разума в другой.

Чтобы породить столь сильную зловещую сущность, требовалась поистине великая, сокрушительная скорбь.

— И много ты успел выяснить? — прищурился Чжубай.

Су Цзюгуй покачал головой:

— Почти ничего.

— А как же рассказни про детские кости в реке? — удивился дракон. — Смерть стольких младенцев должна была породить колоссальный источник тёмной энергии.

— Это не так, — отрезал Су Цзюгуй. — У новорождённых ещё нет разума. В их чистых душах живёт лишь первозданная любовь, они не ведают ненависти. Без постороннего тёмного вмешательства такие невинные духи не способны копить злобу — они почти сразу безболезненно уходят на новый круг перерождений.

Оттого те, кто топит собственных детей, почти никогда не несут кары при жизни. Духовная воля младенцев слишком слаба, их души безмолвно тают, не в силах причинить вред обидчикам.

И в этом кроется величайшая несправедливость: дитя инстинктивно тянется к тем, кто подарил ему жизнь. Какими бы чудовищами ни были родители, ребёнок любит их безраздельно и слепо.

Но именно безупречная чистота этих крох делает их беззащитными, позволяя взрослым безнаказанно творить любые злодеяния.

К тому же эти слухи слишком банальны. В любой глуши, где есть мало-мальски глубокий водоём, непременно сыщется местная легенда о речном чудище. Все эти сказки похожи друг на друга как две капли воды.

Из обычных домыслов Змея кошмаров родиться не могла. На Реке Небесной Воды определённо произошло нечто куда более ужасное.

— Выходит, единственная наша зацепка — это то, что речная ведьма была женщиной? — подытожил Чжубай.

— И в этом нельзя быть уверенным, — покачал головой Су Цзюгуй.

Слова призрачного возницы не стоили и ломаного гроша. Получалось, они действительно топтались на месте. Неудивительно, что лицо мальчика оставалось мрачным.

Су Цзюгуй уже снял тёплый плащ, одолженный у Чжубая. Здесь, в Городе между Облаками, стояло знойное лето — здешний климат разительно отличался от увядающей осени в деревне семейства Су.

Свернув тяжёлую ткань, он с некоторым смущением протянул её хозяину:

— Благодарю за заботу.

Дракон скользнул взглядом по плащу. Воспоминание о том, что эта ткань ещё хранит тепло чужого тела, заставило его замереть. Он так и не протянул руку, чтобы забрать одежду.

Рука Су Цзюгуя затекла. Заметив, что Чжубай взирает на собственный плащ со странной смесью неприязни и растерянности, он нахмурился. Наконец дракон хрипло выплюнул:

— Оставь себе.

Мальчик недоуменно моргнул. Мотивы поступков бывшего ученика по-прежнему оставались для него загадкой.

«И когда только характер этого змеёныша стал столь несносным?»

Стоило путникам пересечь границу города, как уличные торговцы проводили их настороженными взглядами. Для простых обывателей они были лишь подозрительными чужаками, для стерегущей свои владения Змеи кошмаров — опасными захватчиками.

Сотни недобрых глаз следили за каждым шагом мальчика. Чжубай же, напротив, заметно приободрился. Азартный и падкий до любых развлечений дракон впервые оказался на столь диковинной прогулке внутри чужого кошмара.

В сутолоке вечерних улиц под прицелом недружелюбных взглядов Чжубай осторожно ухватил спутника за плечо:

— Держись ближе, мелочь. Ещё не хватало, чтобы ты потерялся в этой толпе.

Су Цзюгуй только вздохнул.

Поведение дракона сегодня казалось ему излишне эксцентричным.

— Раз уж пришли, давай хоть осмотримся, — беззаботно предложил тот.

Дракон вальяжно направился к одной из лавок и не глядя приобрёл простенький веер на бамбуковых спицах. В прежние времена он и смотреть бы не стал на столь дешёвую безделицу, но сейчас с довольным видом принялся обмахиваться им, разгоняя душный воздух.

Весь его холёный вид буквально кричал: «У меня полно денег».

А на лбу так и просилась приписка: «Оберите меня до нитки».

Пусть это серебро было лишь призрачным прахом, Су Цзюгуй поймал себя на мысли, что содержание этого ящера влетело бы в копеечку. Похоже, легенды не лгали: драконов действительно следовало растить исключительно на горах чистого золота.

Чжубай продолжал скупать всякую яркую мишуру. Наблюдая за этим шествием, Су Цзюгуй невольно сравнил его с распустившим хвост павлином. И у кого только набрался этих дурацких щегольских замашек?

Мальчик порывался поторопить спутника, но вовремя осёкся. Здесь год тянулся не дольше, чем горит благовонная палочка наяву. Спешить было решительно некуда.

Этот зыбкий мирок надёжно укрывал их от суровой реальности, заставляя забыть о кровавом долге и былых распрях.

Цзюгуй давно не видел своего ученика таким беспечным. Тот с упоением тратил иллюзорные монеты на безделушки, которые растают без следа при первом же пробуждении.

Таким он помнил юного Чжубая на туманных склонах Горы Великой Чистоты.

И в этом облике сквозило поразительное сходство с Сяобаем.

Маленький белый дракончик тоже обожал рыночную суету и вечно тащил в дом всякую грошовую утварь.

Су Цзюгуй одёрнул себя — сравнение было в высшей степени неуместным.

Лишь когда сумерки окончательно окутали улицы, дракон пресытился забавой. Нагулявшись, они отыскали приличную на вид таверну.

У порога их тотчас перехватил расторопный слуга:

— Желаете остановиться на ночлег, почтенные господа?

— Да, — лаконично отозвался Су Цзюгуй.

Новоприбывший гость, несмотря на строгий взгляд, оставался всего лишь ребёнком. Служка закономерно обратился к статному, богато одетому Чжубаю:

— Сколько комнат изволите занять, господин?

— Одну, — бросил Чжубай.

Су Цзюгуй удивлённо покосился на спутника. Тот определённо затеял какую-то игру.

«Зачем нам ютиться вдвоём?»

Служка развернул потрёпанную книгу учёта:

— Позвольте узнать ваше имя для записи в реестр.

— Пиши: господин Бай.

Переведя взгляд на застывшего рядом мальчика, слуга вежливо уточнил:

— А молодой барин кем вам приходится?

— Это мой сын, — с самым серьёзным видом изрёк Чжубай.

Су Цзюгуй едва не поперхнулся воздухом. Кем-кем он назвался?!

Трактирщик удивлённо моргнул:

— Надо же… Выглядите на редкость молодо, почтенный господин.

На вид Чжубаю едва ли можно было дать больше двадцати лет, тогда как его спутник выглядел крепким десятилетним отроком. Подобное родство казалось весьма сомнительным.

— Грехи бурной молодости, — сокрушённо вздохнул дракон.

Служка понимающе закивал. Наследники богатых кланов частенько пускались во все тяжкие, так что обзавестись бастардом в нежном возрасте для них было делом обыденным.

Впрочем, парень не удержался от тайного осуждения.

«Каков скряга! — мысленно возмутился служка. — Сам как павлин вырядился, а на родную кровь пожалел лишний серебряный на приличный наряд».

Повернувшись к лестнице, он зычно прокричал на всю корчму:

— Первые покои класса «Небесный»! Семейство Бай, отец с сыном!

Голос эхом разнёсся под сводами общего зала. Обедавшие купцы и проезжие торговцы разом повернули головы, разглядывая столь колоритную пару.

Чжубай по-хозяйски приобнял мальчика за плечи, едва сдерживая рвущийся наружу хохот:

— Пойдём, Сяо Цзю. Отдохнём с дороги.

«Сволочь чешуйчатая», — мысленно выругался Су Цзюгуй, из последних сил сохраняя бесстрастное выражение лица.

http://bllate.org/book/18298/1755152